

Алексей А. Горелов Alexej A. Gorelov
(Санкт-Петербург) (Saint Petersburg)

**Александр Aleksandr
Александрович Aleksandrovich
Горелов — человек Gorelov a Personality
и ученый and Scientist**

Аннотация

Публикация дает новые штрихи к портрету выдающегося фольклориста, переданные через выдержки из дневников и автобиографических заметок, дословные реплики и оценки современников. Приводимые впервые, они помогают понять становление характера А. А. Горелова, предпосылки его разносторонней одаренности и научной продуктивности. В ярких деталях раскрыта его целеустремленная деятельность по воплощению Свода русского фольклора в реальность. Освещена мировоззренческая и творческая эволюция А. А. Горелова как поэта, литературоведа и критика.

Abstract

The publication gives the new strokes to a portrait of the outstanding folklore researcher, through the diaries fragments and autobiographical notes, authentic remarks and estimates of contemporaries. Published for the first time, they help to understand A. A. Gorelov's character formation, reveal the origins of his diverse talents and scientific efficiency. His purposeful activities for making the Code of Russian folklore a reality are depicted in bright details. A. A. Gorelov's philosophical and creative evolution as a poet, literary scholar and critic is outlined.

DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-7-15

Александр Александрович Горелов придавал большое значение тому, что родился и провел раннее детство в сердце города, в доме на набережной Мойки, напротив последней квартиры Пушкина. Он считал, что это было не случайно: тем самым он был символически приобщен к словесности, а имя Пушкина, через работу в Пушкинском Доме, осеяло его дальнейший путь.

Когда началась Великая Отечественная война, он в возрасте 9 лет вместе с другими ленинградскими детьми был эвакуирован под Ярославль, затем в Курганскую область. В автобиографии он вспоминает: «Для меня это явится... *впрессовыванием* в быт, строй, уклад деревенского житья, традиций, психологии, культуры, слова. Городское и деревенское начала слились в ощущение Родины...».

У нас есть шанс глубже прикоснуться к некоторым сторонам личности А. А. Горелова через его дневники и автобиографические заметки.

В эвакуации главной ценностью стало для него чтение. Появляются первые литературные опыты: стих, посвященный маме, мини-книжечки — истории в картинках, стенгазета, которую он выпускал вместе со своим другом. Книгой, с которой он долгое время не расставался, была «Как закалялась сталь» Н. Островского.

По возвращении в Ленинград сильнейшим читательским потрясением для него явилась встреча с «Тихим Доном» М. Шолохова. Из автобиографии: «Степь, война, человеческие страсти, кони, поэзия слова, сельский быт — все это было ошеломляющей панорамой, в которой вычитывалось столько общего с тем, что совсем недавно окружало на курганской земле...»

Дневник этого времени проникнут жадной идеала. В 1950 году появляется запись: «Идеалом писателя и борца для меня является Горький, большой знаток народной жизни (подчеркивает он) ... Учитель!»

Он восхищался творениями русских классиков, Алексея Толстого, Горького, Шолохова. Стремление иметь Учителя с большой буквы была тем более сильна, что он переживал утрату отца, которого лишился в 1939 году.

Таких учителей ему посчастливилось встретить на филологическом факультете ЛГУ, куда его привел стойкий интерес к литературе.

Из автобиографических заметок: «Таким человеком вскоре стал для меня Федор Абрамов, тем более что рукопись, над которой он корпел в табачном облаке своей комнаты, представляла собой роман о военной поре, о деревне русского Севера». Абрамов помог Горелову с выбором темы дипломной работы и стал ее руководителем. Он сказал: «До тебя так глубоко вопрос о Шолохове и фольклоре никто не ставил».

Тема диплома (1954) звучала так: «“Тихий Дон” М. Шолохова и устное народное творчество». И за что бы А. А. Горелов в дальнейшем ни брался, — главной темой его литературоведческих изысканий было «писатель и фольклор».

Примером научной добросовестности для него стал знаменитый фольклорист, тогда профессор университета, Владимир Яковлевич Пропп, который во время первой же встречи произнес чрезвычайно важную фразу: «Русистика ваше призвание».

На филологическом факультете сразу обозначилась дилемма, которую отец пытался разрешить всю жизнь: стать ученым или писателем?

Кандидатскую диссертацию (1963) он посвятил историческим песням о Ермаке — завоевателе Сибири. Можно с уверенностью сказать, что курганский опыт не прошел даром: впечатления юности органично вплелись в диссертацию.

Вскоре начинается работа А. А. Горелова в Пушкинском Доме. Этот период (1959–1964) ознаменовался безусловным достижением: он установил, что легендарный Кирша Данилов — составитель первого сборника русских былин — был реальным историческим лицом.

Через несколько лет он перешел в университет, чтобы по ряду позиций заместить Проппа, который вышел на пенсию. Со временем все же оказалось,

что устремления и помыслы больше связаны с Пушкинским Домом, где открывались новые горизонты научного роста. Моральные обязательства перед Проппом были исчерпаны после кончины последнего в 1970 г., и Горелов начинает переговоры о возвращении в институт. «С осени 1971 года я вновь фольклорист и литературовед», — с нескрываемой радостью пишет отец в дневнике.

В том же году, по предложению директора института В. Г. Базанова, Горелов был избран заведующим сектором фольклора. Окрыленный новыми перспективами, он ставит перед собой задачу реализовать мечту поколений фольклористов — издание Свода Русского фольклора. Он считал, что в фольклоре заложен национальный культурный код, и видел свою задачу в том, чтобы донести наследие народа во всей полноте для будущих поколений.

Еще в дневнике за 1957 г. сделана запись, характерная для его отношения к Своду (речь идет о так называемом своде «Исторические песни XIII–XVI веков» серии «Памятники русского фольклора»): «Отдал 9 текстов, указал на 8 фальсификаторов, попавших в раздел о Ермаке, выправил несколько комментирующих справок. Я отдаю даром дни и десятки дней затраченного труда. Почему? Я был убежден, что недопустима публикация ошибочных сведений в авторитетной серии фольклористики — ведь это “Свод русского фольклора”! Это общенародное предприятие!»

Такое трепетное отношение к Своду Горелов пронес через всю жизнь. Один штрих: в дальнейшем, как бы ни было скудно ресурсное обеспечение, он настаивал, чтобы издателем Свода было государство (составленные обращения к потенциальным спонсорам так и не были пущены в ход).

Поставив цель издания Свода, он использует любую трибуну, чтобы тем самым придать процессу бесповоротный характер.

«Я решил действовать на свой страх и риск, — пишет Горелов в автобиографии. — Пошел в журнал “Звезда”, договорился о публикации. Отпуск потратил на статью “Соединяя времена”, где публично осуществлялась “диверсия” — вновь звучал призыв к изданию».

Шел 1973 год. 100 экземпляров публикации, которые он выкупил на свои деньги, помогли ему приобрести единомышленников в среде научной общности. Вопрос о Своде был поставлен на заседании ученого совета института. В прениях говорили о сложности и размахе работы, о малочисленности сектора. Академик Д. С. Лихачев поддержал: «Замысел достоин Академии наук».

В сентябре 1977 года Горелова вызывают «на ковер» в Отделение литературы и языка Академии наук. Обсуждение было вызвано статьей «Внос в будущее» в газете «Советская культура», где было прямо заявлено, что решения об издании Свода русского фольклора Академии наук СССР до сих пор нет.

Дискуссия была настолько острой, что академик-секретарь Отделения М. Б. Храпченко упрекнул Горелова в бунтарстве. На это отец отозвался

ироничной репликой в дневнике: «Он прав: чтобы “сдвинуть Свод”, нужен внедепартаментский, широкий историко-культурный взгляд».

И все-таки 1977 год стал счастливым: было принято решение о развертывании работы Института русской литературы над Сводом. В том же году вышел из печати проспект издания, где указывалось, что 18 серий Свода объединят более 100 томов. Это соответствовало позиции Храпченко, который ориентировал так: «Трехзначная цифра нас не пугает»; «Если потребуется издавать 50 лет, будем издавать 50 лет, но дело сделаем».

Тем не менее, следовало закрепить успех, и Горелов не прекращал инициировать публикации. Это было обусловлено тем, что работа над Сводом неоднократно находилась под угрозой срыва. Проект ранее столько раз терпел «фальстарт», что не мог считаться состоявшимся, пока не начал осуществляться в тираже. Совсем не сразу получил признание выстраданный в жарких спорах принцип распределения материала. Поэтому выступления в прессе продолжают, хотя изменяется тактика: о Своде сообщается как о свершившемся факте (так, в 1988 г. в газете «Правда» выходит статья о первой серии (22 тома) как о проекте в стадии осуществления). И такая активность вполне объяснима с учетом того, что первые два тома, подготовленные к печати в 1984 году, вышли в 2001 году!

Параллельно А. А. Горелов ведет борьбу за статус проекта. Сохранились письма, которые он неутомимо составлял и посылал в инстанции различных уровней, где обосновывается необходимость признания издания Свода приоритетной программой. В том числе говорится о необходимости обеспечения отдела дополнительными ставками и финансами. Примечательный эпизод: в 2008 г. для поддержания статуса издания А. А. Горелов выслал за свой счет пять первых томов Свода в адрес действующего Президента В. В. Путина и избранного президента Д. А. Медведева. Кульминацией сопроводительного письма является призыв ввести работу над Сводом в ранг национального проекта.

К этому моменту ценность издания уже была признана в России и за рубежом. Решительный поворот в сторону благоприятствования работе произошел благодаря позиции Николая Николаевича Скатова, который в 1987 г. возглавил институт и оказал делу всемерную поддержку.

Отношение отца к каждому тексту было предельно бережно, а нередко восторженно и благоговейно. Не жалея времени и сил, он лично производил корректуру по несколько раз. Став бессменным главным редактором Свода, он продолжал выполнять эти обязанности до конца жизни. Большим счастьем для него было сознавать, что сейчас Свод Русского фольклора — один из наиболее значимых проектов Пушкинского Дома.

Несколько слов о художественном творчестве А. А. Горелова.

Он заявил о себе как яркий и оригинальный поэт поэмой «Скоморохи» (увидела свет в 1989 году). В ней он избрал аллегорический художественный

язык. Говорил о «Скоморохах» в автобиографии: «Это попытка сказать о современности сюжетами бывшего».

Писатель Алексей Югов многозначительно написал: «“Скоморохи” — сильная вещь, и даже “веянье” Древней Руси чувствуется, но... никто же ведь не будет столь наивен, чтобы отнести это и впрямь к Ивану Грозному». Арсений Тарковский сказал: «Нет, эту поэму нигде не напечатают!» Имелось в виду — по идеологическим причинам. И действительно, поэма ждала опубликования годы.

В начале XXI века начинается расцвет поэтического творчества Горелова. В 2000 году опубликована поэма «Сын новгородский», по мотивам былины о Василии Буслаеве. Главная тема — богоборчества, человеческой гордыни — подана, по отзывам, очень остро и пронзительно.

В обществе сегодня существует огромный запрос на осмысление событий 1990-х годов. Это общественная рефлексия, попытка ответить на вопрос: почему произошли те или иные исторические коллизии, могло ли быть иначе? На фоне огромного числа публицистических выступлений попытки художественного осмысления еще единичны.

А. А. Горелов уловил этот запрос одним из первых. В 2001 году он издает поэму «Горе-государь» — как он сам пишет, сатирический отклик на события перестройки.

В 2012 году ему удалось издать двухтомник «Избранные стихи и поэмы». В первом томе собраны стихи и поэмы на исторические темы, но сюжеты вполне современны. Во втором томе — несколько лирических циклов, посвященных памяти моей матери, Галины Васильевны Гореловой. Они складываются в единый гимн женщине, с которой в 2003 году отец отпраздновал золотую свадьбу. Глубиной чувства дышат строки:

Душа рассыпана стихами...
А кто осколки соберёт
и осторожными перстами
мою любовь к тебе прочтёт?..

В 2013 году выходит книга стихов и прозы. Центральное место в ней занимает поэма «Изограф» о судьбе и духовных поисках средневекового русского иконописца. Но если в «Сыне новгородском» — это бунт против творения, то пафос «Изографа» — примирение с Богом.

В этой связи — о еще одной грани его личности. Может показаться удивительным, но отец хорошо знал Библию. Он мог в дни скорби и радости по памяти процитировать отдельные места. Или открыть и зачитать какие-то страницы, где находил отклик своему душевному состоянию.

Духовная независимость, внутренняя свобода и самодостаточность, свойственные отцу, придавали ему смелость не идти на сделки с совестью в принципиальных вопросах и бескомпромиссно отстаивать свои взгляды. Одним

из таких актов творческого «самостоянья» стала монография, выпущенная в 1988 году, — «Лесков и народная культура». Она стала первой в стране докторской диссертацией о Н. С. Лескове. Для того, чтобы заявить подобную тему, надо было иметь определенное гражданское мужество, т.к. официальное отношение к фигуре писателя было неоднозначно. Горелов приложил много сил, чтобы преодолеть недооцененность Лескова и открыть его вновь для широкого читателя.

В феврале 2016 года он принял решение передать в дар Пушкинскому Дому хранившиеся в нашей семье корректурные оттиски (гранки) и фрагменты машинописной рукописи первого издания книги «Жизнь Николая Лескова» (1953), автором которой был сын писателя Андрей Николаевич Лесков, с собственноручными исправлениями Лескова-младшего.

Ценность переданных 23 мая 2016 года материалов заключается в том, что книга сына об отце вышла с цензурными купюрами, а также изъятиями и поправками, произведенными самим Лесковым-сыном в ходе работы над изданием. Рукопись и оттиски позволят глубже проникнуть в первоначальный замысел книги, восстановить новые биографические детали, лучше понять обстоятельства жизни и мотивы творчества Н. С. Лескова.

А. А. Горелова всегда интересовал текущий литературный процесс, так как он с юности готовился стать писателем. Еще до прихода в Пушкинский Дом Александр Александрович был литературным редактором журнала «Нева» (1957–1959 гг.). За эти годы он сумел воспитать в себе нетерпимость к литературному браку.

Когда я просматривал его критическое наследие, мне довелось прочитать статью «Преодоление», вышедшую в 1960-х годах в сборнике «Герой современной литературы». А. А. Горелов говорит о воспитании искусством социальной активности людей. Он мало касается художественных средств, в основном выдвигает как критерий оценки произведений гражданственность. Это дань времени, которая не лишила его зоркости и дала возможность выделить перспективных авторов. Он говорит: «Молоды Андрей Вознесенский, Леонид Завальнюк, Новелла Матвеева, но по-своему молоды и Александр Солженицын, и Павел Нилин, и Владимир Тендряков и другие».

Затем, через короткое время, я перечитал одну из любимых им статей: «Монолог озадаченного читателя, или заметки о языке современной литературы» (1979). Я поразился тому, какую эволюцию перетерпел инструментарий автора. Как ведущие применяются уже подлинно эстетические мерилы оценки творчества тех или иных писателей. А. А. Горелов высоко оценивает Николая Тряпкина, подробно анализирует язык Валентина Распутина, Федора Абрамова, бескомпромиссно вскрывает стилистические диссонансы в творчестве Юрия Нагибина.

Перемена произошла и в мировоззрении. В дневнике встречаются записи такого рода: «Вообще, мы не знаем литературы 20 века. <...> Придет время,

и потомки взглянут на литературу советской эпохи, начнут раскапывать архивы... — и будут поражены трагизмом времени!»

Неустанный духовный поиск, способность пересматривать свои взгляды были свойственны А. А. Горелову. И опять же одним из ведущих критериев оценки произведений выступает связь с народной речью. Таким образом, А. А. Горелов оставался верен своему кредо, сформулированному еще в период окончания университета: «Ни в Древней Руси, ни во вчерашней России не было ни одного крупного художественного явления, которое стояло бы далеко от народного творчества... <...> Фольклор был силой, вечно обновлявшей прогрессивную литературу, отдаление от него делало литературу немощной, обращение к нему сообщало ей новую силу».

О влиянии А. А. Горелова на литературу как критика могли бы лучше рассказать его слушатели по литобъединению, которым он руководил в период работы на филфаке (1964–1971). Среди них такие разные литераторы, как Владимир Личутин, Татьяна Калинина, Виктор Кривулин, Виктор Топоров, Лев Васильев, Михаил Веллер, Николай Утехин и другие.

Хотел бы упомянуть один малоизвестный факт — вклад А. А. Горелова в текст «Тихого Дона» Шолохова. В 1975 году, перед выходом из печати очередного собрания сочинений Шолохова, он обнаружил некоторые фактические противоречия в тексте. Как сделать, чтобы они вовремя дошли до писателя? А. А. Горелов воспользовался тем, что дочь Шолохова Светлана живет в Ленинграде, приехал к ней на работу и передал поправки. Они были приняты с благодарностью и нашли себе место в окончательной редакции романа, каким мы знаем его.

Примечательно, что в своей последней газетной публикации Горелов выступил также как критик, с отзывом о книге Николая Астафьева «Трагедия в “Англетере”» (опубликована 30 мая 2017 года в «Литературной газете», № 20, с. 10).

Специалистам известны литературоведческие работы Горелова. В своей рекомендации в Союз Писателей поэт А. Тарковский писал: «Его статьи... заставляют радоваться совершенству нашего прекрасного и богатого языка. То, что пишет А. А. Горелов, — статьи не только об авторах художественных произведений, они сами — художественные произведения».

Это высказывание верно и по отношению к письмам Горелова, которые написаны ярко и органично по языку и эмоциональному настрою. Благодаря обаянию его слога с ним охотно вели переписку Писахов, Соколов-Микитов, Шолохов, Шергин, Балашов, члены семей Платонова, Пришвина. Главным его интересом был поиск связей писателей с фольклором, а эта тема никого не оставляла равнодушным.

Творческое наследие Горелова — не только более 250 научных публикаций, многочисленные стихи, поэмы, повести и рассказы. В архиве остался огромный запас творческих заготовок. К ним относятся: книга о нравах академической среды, поэма об астраханском восстании эпохи Петра I,

автобиографическая проза, поэма о современности. Это залог будущих публикаций.

* * *

Мы, близкие Александра Александровича Горелова, иногда называли его «жрецом». И ему это нравилось. Может быть, потому, что он ощущал себя носителем и проводником подлинной культуры. Свойственное ему стремление к комплексному освоению культурных явлений вылилось в своеобразный «энциклопедизм Горелова» — он владел широким спектром научных гуманитарных дисциплин.

Одним из источников этой культуры была народная культура, ценности которой он ощущал как абсолютные. Из автобиографии: «Главное было — в служебной деятельности — сохранить и укрепить традиционные направления исследований, присущие Пушкинскому Дому как крупному академическому центру народознания». Ключевое слово здесь — народознание. Он не рассматривал фольклор в отрыве от культуры народа.

Я всегда ощущал, что отец был счастливым человеком, так как всю жизнь занимался любимым делом. Он увлекся творчеством Шолохова — и стал авторитетным специалистом по Шолохову. Полюбил Лескова — и стал признанным исследователем Лескова. Обожал Гоголя — и стал его литературным последователем...

Но главным его увлечением и страстью был фольклор — он был «инфицирован» им с детства и посвятил ему жизнь.

В 2011 году он исполнил свою заветную мечту — издал полное факсимильное издание «Сборника Кириши Данилова», сразу ставшее библиографической редкостью.

Однажды он сделал автобиографичное признание: «Сюжет моей судьбы — путешествие сразу по двум дорогам (искусство и наука)».

Дороги эти все время пересекались. Отсюда, вероятно, и успешность его творческой судьбы, и богатство его наследия.

Литература

Горелов А.А. Преодоление (Заметки об областной журнальной поэзии) / А.А. Горелов // Герой современной литературы. М.; Л., 1963. С. 323–349.

Горелов А.А. Из истории Отдела русского фольклора / А.А. Горелов // Соединяя времена: Исследования. Разыскания. Научно-популярные статьи. Кн. 2. СПб., 2011. С. 871–909.

Горелов А.А. Долго скрываема правда // Литературная газета. 2017. 24–30 мая, № 20. С. 10. Свод русского фольклора. Проспект / Сост. А.А. Горелов // Русский фольклор. Т. 17. СПб., 1977. С. 4–10.

References

- Gorelov A.A.* Preodolenie (Zametki ob oblastnoj zhurnal'noj poezii) // *Gorelov A.A.* Geroj sovremennoj literatury. M.; L., 1963. S. 323–349.
- Gorelov A.A.* Iz istorii Otdela russkogo fol'klora // *Gorelov A.A.* Soedin'aja vremena: Issledovanija. Razyskanija. Nauchno-popul'arnye stat'i. Kn. 2. SPb., 2011. S. 871–909.
- Gorelov A.A.* Dolgo skryvaemaja pravda // Literaturnaja gazeta. 2017. 24–30 maja, № 20. S. 10.
- Svod russkogo fol'klora. Prospekt / Sost. *A.A. Gorelov* // Russkij fol'klor. T. 17. SPb., 1977. S. 4–10.